

Перевернутый человек, опрокинутый мир: трансмиграции одного мотива

Петров Валерий Валентинович – доктор философских наук, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: campas.iph@gmail.com

Аннотация. В статье обсуждается концепция «перевернутого человека» из диалога Платона «Тимей» и особенности ее трансформации в христианских апокрифах «Мученичество апостола Петра» и «Мученичество апостола Филиппа», а также в трактате Дмитрия Мережковского «Иисус Неизвестный». Показано, что Платон уподобляет вхождение души в тело опрокидыванию человека с ног на голову, что ведет к инверсии представлений о правом и левом, истинном и ложном. Апокрифические мученичества заимствуют из «Тимея» мотив перевернутого человека, интерпретируя его на языке ветхозаветного повествования об изгнании Адама из рая, следствием чего явилась экзистенциальная инвертированность существования и опрокидывание эпистемологических и ценностных критериев. Мережковский толкует *logion* Иисуса из апокрифических «Мученичеств», который содержит призыв инвертировать все координаты как задачу выхождения из евклидова пространства трех измерений в божественную реальность «четвертого измерения». В духе своего времени Мережковский трансформирует мотив всеобщего переворота в учение о духовной революции.

Ключевые слова: Платон, перевернутый человек, инвертированный мир, апокрифы, Дмитрий Мережковский, агарфа, топос, традиция, революция

Для цитирования: Петров В.В. Перевернутый человек, опрокинутый мир: трансмиграции одного мотива // Историко-философский ежегодник. 2021. № 36. С. 109–141.

*Светлой памяти В.П.Г. и Н.В.М.,
ушедших в июне*

Одним из важных элементов существования той или иной философской традиции являются процессы рецепции, апроприации, трансформации, которую осуществляют авторы позднейших эпох по отношению к своим предшественникам. В некотором смысле *философствование в рамках традиции* таким образом становится постоянным перепрочитыванием, герменевтической пересборкой концептов, теорий, мотивов, которые тот или иной автор считает для себя авторитетными.

К примеру одной такой пересборки я бы хотел обратиться. Речь идет о об одном фрагменте из диалога Платона «Тимей», который обрел новую жизнь в последующей традиции, а именно в христианских апокрифических мученичествах и даже в русском богословии периода модернизма (я имею в виду Дмитрия Сергеевича Мережковского).

Сущностной особенностью космологического повествования «Тимея» Платона является геометризация реальности, которую осуществляет Платон в своем рассуждении: материальные тела предстают в его рассуждении в виде своих стереометрических моделей. Даже тела живых существ рассматриваются в отвлечении от их физических характеристик, как сегменты пространства, лишённые внутренней структуры, каких-либо свойств и самостоятельной активности. И когда Платон описывает жизненные процессы таких тел, то рассуждает о том, каким образом через полые объёмы статичных фигур – через контуры такого умозрительно взятого физического тела – текут потоки пищи, распространяются всякого рода толчки и приходящие извне возмущения.

Подобные схематизация и геометризация особенно явны при рассуждении Платона о возникновении и устройстве космоса и человеческого тела. Говоря о них, Платон, как от данности, отпавляется от нескольких неординарных допущений, в числе которых – ассоциация процесса мысли с круговым движением. Мыслительное и круговое движения совпадают для Платона оттого, что рассуждение о демиурге, уме и мировой душе является

в «Тимее» частью рассуждений об устройении космоса, кругах и движениях небесной сферы. Неслучайно в Tim. 37cd демиург предстает у Платона Гефестом, изготавливающим армилярную сферу. При этом Платон ассоциирует «тождественное» с внешним кругом (небесным экватором), а «иное» с внутренним кругом (эклиптикой, вдоль которой пролегают видимые пути Солнца, Луны и планет).

Когда Платон в своем мифологическом нарративе приступает к описанию того, каким образом младшие боги создавали людей, он говорит, что в помощь голове (т.е. сферовидному телу, которое имеет внутри себя два вида божественных круговращений – «тождественное» и «иное») они придали, как колесницу, прямостоящее тело. Земное тело получило способность к шести поступательным движениям вдоль координатных осей трехмерного пространства. Таких движений шесть: вперед – назад, направо – налево, вверх – вниз (εἷς τε γὰρ τὸ πρόσθε καὶ ὀπίσθεν καὶ πάλιν εἰς δεξιὰ καὶ ἀριστερὰ κάτω τε καὶ ἄνω καὶ πάντη κατὰ τοὺς ἕξ τόλους, Tim. 42e–43b). Завершается рассказ об устройении человека призывом Платона к богоподражанию – ὁμοίωσις θεῶ, достигаемому через упражнения в мыслительной геометрии: упорядочивая движения ума, мы уподобляемся богу, дабы «мыслящее, как подобает его изначальной природе (ἀρχαίαν φύσιν), стало подобно мыслимому» (90d).

О том, что форма внутренних движений важна для человеческой конституции, Платон говорит далее, поясняя, что нарушения внутреннего кругового движения (91e–92a) определяют телесное устройство живых существ. Например, те, кто пренебрегает созерцанием небес и не задействует вложенные в их голову круговращения (περίδοις), в следующей жизни возникнут в виде сухопутных животных. У этих четвероногих передние конечности и головы протянулись к земле и уперлись в нее (τὰς κεφαλὰς εἰς γῆν ἐλκόμενα ἤρεισαν), а черепа удлиннились или исказили свою некогда сферическую форму сообразно тому, насколько сжались у каждого от бездействия его круговороты (περιφοραί, 91e–92a). Напротив, человек отличается от животных тем, что выпрямлен. Именно *прямостояние* человека позволяет ему поднимать взор к вышнему, к небу – а значит, созерцать звезды и их круговороты,

что сохраняет в чистоте его ум и упрочивает внутреннее мыслительное круговращение¹.

Очерченный выше комплекс идей, объединивший представления геометрии, космологии, антропологии с призывом к уподоблению божественному, оказал мощное воздействие на последующую философскую и богословскую традицию. В той или иной форме его элементы воспроизводятся у Аристотеля, у античных и христианских платоников.

Для нашего рассуждения особенный интерес представляет то место из диалога «Тимей» (43е), где сказано, что движения в подлунном мире нарушены в сравнении с совершенством мыслительных круговращений. Это искаженное бытие Платон иллюстрирует примером с человеком, который встал вверх ногами и видит весь мир (и себя в нем) инвертированным. Подобный образ существования, при котором расстроены оба круговых движения (вращение тождественного и ход иного) схож с тем,

как если бы некто опрокинутый уперся головой в землю (τις ὕπτιος ἐρείσας τὴν κεφαλὴν μὲν ἐπὶ γῆς), а ноги вытянул вверх, прислонив их к чему-то; в таком состоянии (τῷ λάθει) претерпевающему и смотрящим на него (τοῦ τε πάσχοντος καὶ τῶν ὀρώντων), каждому относительно каждого, представится их правое – левым, а их левое – правым (Tim. 43e 3–8).

У «опрокинутого» человека инвертируется картина мира, включая понятия о правом и левом, истинном и ложном². Мысли (в терминах Платона – «круговращения») относительно тождественного и иного меняются на обратные, люди изрекают

¹ Plato. Crat. 396bc: «взгляд вверх» <...> по словам людей, изучающих небесные явления, сохраняет в чистоте человеческий ум», пер. Т.В. Васильевой. См.: Петров В.В. «Тимей» Платона о видах движения, «небесном растении» и прямостоянии человека // СХОЛН. 2019. № 13 (2). С. 709–710.

Греческие тексты цитируются по изданиям, представленным в электронной текстовой базе данных The Online Thesaurus Linguae Graecae (<http://stephanus.tlg.uci.edu>). Если автор перевода на русский язык не указан специально, перевод принадлежит нам (В.П.).

² Рассуждения о замене правого на левое повторяются у Платона при рассмотрении вопроса о механизме зрения и возникновении отражений от зеркальных поверхностей, когда «левое начинает казаться правым» (Tim. 46b).

о тождественном и ином то, что «противоположно истине», становясь «лживыми и неразумными» (44а 4–5). Здесь Платон философски обыгрывает феномен, который современная наука именует хиральностью. Хиральность – это отсутствие симметрии относительно правой и левой стороны; хиральная фигура не может быть совмещена со своей зеркальной копией (как бы мы ни вращали на плоскости отпечаток правой руки, мы не добьемся его совпадения с отпечатком руки левой)⁵.

Мотив опрокинутости человеческого существования, отмеченного инвертированностью восприятия пространственных и аксиологических координат, развитый Платоном в контексте повествования о создании человека, подвергся рецепции и трансформации в последующих философии и христианском богословии⁴. Внутри самой платоновской традиции рассмотренный фрагмент диалога «Тимей» стал объектом комментария неоплатоника Прокла. Однако, поскольку последний не привносит в свое толкование экзотических и гетерогенных платонизму идей, мы не станем его здесь рассматривать и сосредоточим внимание на текстах, принадлежащих иной традиции и жанру. Речь идет об апокрифических произведениях новозаветной литературы – «Мученичестве апостола Петра» (далее – МП) и «Мученичестве апостола Филиппа» (далее – МФ), время создания которых приблизительно датируется концом II – серединой III в. н.э.

⁵ Хиральность (от греч. χείρ, «рука») в геометрии – свойство плоской фигуры не совмещаться со своим зеркальным отражением при любых передвижениях и поворотах. Трехмерные хиральные объекты – винтовая линия (а также витая пряжа, штопор, пропеллер и т.п.) и лента Мёбиуса. В химии хиральность обнаружена Луи Пастером в 1848 г. применительно к изомерам, а сам термин введен в 1884 г. Уильямом Томсоном, бароном Кельвином. О хиральности говорят в стереохимии, теории струн, квантовой физике. Хиральность элементарных частиц состоит в различии правого и левого спина. Поскольку почти все биомолекулы хиральны, можно говорить о зеркальном мире с точки зрения биологии.

⁴ Петров В.В. «Тимей» Платона о видах движения. С. 705–716; Петров В.В. Опрокинутый человек «Тимея» Платона в апокрифических «Мученичестве Петра» и «Мученичестве Филиппа» // СХОАН. 2020. № 14 (2). С. 535–566.

Более ранним, подробным и, в целом, более важным для нашего исследования является МП. В позднейшей традиции МП стало частью более пространных сочинений, которым можно дать условное общее именование «Деяния апостола Петра». Однако исходно МП представляло собой самостоятельный текст⁵. В пользу этого говорит то обстоятельство, что оно дошло до нас как независимое произведение в оригинале – на греческом языке, а также (в разной степени сохранности) в переводах или переработках на коптском⁶, сирийском, армянском, арабском, эфиопском и старославянском языках⁷.

Следует заметить, что апокрифическим «Деяниям Петра» и «Деяниям Филиппа» посвящена обширная исследовательская литература: сотни статей и десятки книг, некоторые из которых представляют собой коллективные монографии, фокусирующиеся на каком-либо аспекте этих текстов (например, на их интертекстуальном характере). Ими занимаются богословы, библеисты, гебраисты, исследователи Нового Завета, филологи. Тем не менее до сих пор не дано удовлетворительного толкования тому, каким образом в этих двух апокрифах объясняется перевернутое распятие апостолов Петра и Филиппа, не предпринимались попытки отыскать для него источники в предшествующей литературе⁸.

⁵ «Мученичество Филиппа», которое позднее стало частью более пространного «Деяний апостола Филиппа», тоже было создано и первоначально циркулировало в виде самостоятельного текста.

⁶ Гностические «Деяния Петра» из Наг-Хаммади представляют собой другое сочинение, не имеющее отношения к рассматриваемому нами тексту.

⁷ См.: РГБ. Отдел рукописей. Ф. 310 (Собрание В.М. Ундольского). № 1296, 15–16 вв. (f. 239R–245); см.: Гос. библ. СССР им. В.И. Ленина. Отдел рукописей. Опись фонда № 310: «Собрание В.М. Ундольского». Т. 3 (№ 1081–1594). М., 1975. С. 501: «лл. 239–245: Месяца июня в 29 день. Мучение апостола Петра». Нач.: «Петру апостолу... в Риме радующуся с братиею о господе...»; сканы см.: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/310/f-310-1296/#image-242> (дата обращения: 10.06.2021).

⁸ Как указано в обобщающей монографии Клаудио Морескини, «Петр обращает к кресту речь, полную богословских тем, до сих пор не до конца понятых», см.: Морескини К., Норелли Э. История литературы раннего христианства на греческом и латинском языках. Т. 1. От ап. Павла до эпохи Константина /

В целом, доктринальным фоном для речи Петра на кресте являются канонические новозаветные Послания ап. Павла. Однако имеются и гетерогенные влияния, среди которых – учение о необходимости приносить «богу, который над всеми» бестелесную жертву, обнаруживающее переклички с соответствующим трактатом Аполлония Тианского, а также представления о священном безмолвии и возобновлении, родственные тем, что представлены в герметическом корпусе⁹. В фокусе настоящего исследования находятся кульминационные моменты МП и МФ, относящиеся к распятию обоих апостолов в перевернутом виде – вверх ногами и вниз головой. На основании лексических и доктринальных параллелей мы доказываем, что толкование, которое в «Мученичествах» получает опрокинутость распинаемых, обнаруживает прямую зависимость от рассуждений о перевернутом человеке из «Тимея» Платона. В самом деле, в МП апостол Петр, который сам просит распять себя на кресте головой вниз, так комментирует свое положение:

О люди, <...> внемлите тому, что я, повешенный, вам сейчас возвещаю. Познайте таинство всей [человеческой] природы и то, каким было начало всего. Ибо первый человек [Адам], оказавшийся в положении, которое я сейчас принял, принесенный (ἐνεχθεὶς) головой вниз, явил мертвое рождение (γένεσιν) <...>.

Сойдя вниз и низвергнув свое начало на землю, онный человек установил для себя весь теперешний вид (εἶδος) мироустройства, в котором явил правое левым, а левое правым и переставил (ἐνῆλλάγη) все приметы (σημεῖα) их естества, так что безобразное считалось прекрасным, а природные блага – злом.

Господь говорит о них в таинстве: «Если не сделаете правое как левое, а левое как правое, нижнее как верхнее, а заднее как переднее, не войдете в царство Божие». <...>

Пер. с итал. Т.Л. Александровой, Р.С. Соловьева, А.И. Золотухиной. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2021. С. 302.

⁹ Петров В.В. Проповедь безмолвия и возобновления из «Мученичества апостола Петра»: ее источники и контексты // Платоновские исследования. 2021. № 14 (1). С. 54–77.

[Перевернутое] положение (σχήμα), в котором вы видите меня повешенным, – это изображение (διατύπωσις) оного [первого] человека, спустившегося и пришедшего в бытие¹⁰.

В этом отрывке земное существование изгнанного из рая Адама представлено как жизнь «вниз головой». Подобно перевернутому человеку «Тимея» Платона первый человек Адам тоже опрокинут и, как таковой, воспринимает окружающий мир в зеркальной перспективе, меняя правое на левое и истинное на ложное, т.е. устанавливая для себя ложные метафизические, эпистемологические и ценностные ориентиры.

Живой иллюстрацией экзистенциальной перевернутости человека после грехопадения апостол Петр делает самого себя, требуя пригвоздить себя к кресту головой вниз. Тем не менее, если бы Петр хотел ограничиться демонстрацией опрокинутости павшего человека и стать живой эмблемой (διατύπωσις) перевернутости, ему достаточно было просто встать на голову, подобно человеку из «Тимея» Платона. Однако он распинается на кресте. Таким образом, его действия представляют собой двойной мимесис. С одной стороны, опрокинутый Петр делается изображением первого человека, Адама. В то же время, будучи «повешен на древе», он отождествляется со вторым Адамом – Христом. Если в первом случае апостол является лицедеем (ὕλοκρητής), а его мимесис – внешним копированием, то во втором случае он становится «реальным символом», имеющим сущностную связь с архетипом¹¹. Его единство с Христом имеет онтологическую¹², мистическую и экзистенциальную

¹⁰ Русский перевод речи Петра на кресте см. в: *Петров В.В.* Опрокинутый человек «Тимея» Платона. С. 535–566.

¹¹ *Петров В.В.* Теология символа у Карла Ранера и Герберта Форгримлера // ПЛАΤΩΝΙΚΑ ΖΗΤΗΜΑΤΑ. Исследования по истории платонизма / Под общ. ред. В.В. Петрова. М.: Кругъ, 2013. С. 309–317; *Петров В.В.* Символ и священнодействие в позднем неоплатонизме и в «Ареопагитском корпусе» // ПЛАΤΩΝΙΚΑ ΖΗΤΗΜΑΤΑ. Исследования по истории платонизма / Под общ. ред. В.В. Петрова. М.: Кругъ, 2013. С. 270–283; *Петров В.В.* Филологический экзистенциализм Карла Кереньи // Цивилизация и варварство. 2020. Вып. 9. С. 118–119.

¹² О священной драме применительно к литургическому обряду евхаристии см. раздел «Символ и мимесис» в: *Петров В.В.* Символ и священнодействие. С. 279–283.

природу, оно дано в жизненном переживании (*le vécu*) и личном опыте (*λεῖρα*)¹³. Подобного рода вытеснение своей самости из психофизической оболочки для того, чтобы в нее вошел бог, было хорошо известно: в античности говорили, что человек стал боговдохновенным (*ἔνθεος* или *ἐνθουσιαστής*), а ап. Павел определил это фразой «уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал 2:20).

Таким образом, психодрама, протагонистом которой является Петр, охватывает всю священную историю человечества: от прихода в земное бытие, отмеченного опрокинутостью и встречей со смертью, до восстановления в прямостоянии и обретения вечной жизни. Примечательно, что в литературе, современной МП, а именно в трактате «Против ересей» Иринея Лионского, созданном в 180–185 гг., имеется место, в котором Сын Божий в своем человеческом существовании тоже повторяет историю человечества от первого до второго Адама¹⁴. В переводе П. Преображенского соответствующая мысль передана не вполне удачно:

Воплотившись и сделавшись человеком, Он [Сын Божий] снова начал длинный ряд человеческих (существ) и сокращенно даровал нам спасение, так что потерянное нами в Адаме, т.е. бытие по образу и подобию Божию, мы опять получили во Христе Иисусе¹⁵.

¹³ Ср. описание переживаемого на личном опыте ощущения вселения Бога в очищенную душу у Диадокха Фотикийского и следующего ему Максима Исповедника в: *Петров В.В.* Максим Исповедник: онтология и метод в византийской философии VII века. М.: ИФ РАН, 2007. С. 34–35; С. 149–150, прим. 92. У того же Диадокха мы встречаем учение о расщеплении надвое всех ощущений в павшем Адаме: *Петров В.В.* Максим Исповедник. С. 150, прим. 95.

¹⁴ Помимо доктринальной близости МП роднит с трактатом Иринея редкое словоупотребление. Петр заявляет, что на кресте растянута само божественное Слово. Это необычно, поскольку в подавляющем числе христианских текстов говорится о распинаемом Иисусе. У Иринея тоже распято само Слово Божие. Ср. *Irenaeus*, Adv. haer. 5, 18, 3: «Слово Божие <...> всем управляет и располагает; для того Оно видимо пришло к Своим, и стало плотью, и было повешено на древе, чтобы всё в Нем возобновилось»; МП: «<...> растянутае (τεταμένον) [на кресте] Слово, одно и единственное, о котором Дух говорит: “Что есть Христос, как не Слово, глас (ἦχος) Божий?”».

¹⁵ *Irenaeus*, Adv. haer. 3, 18, 1. См.: *Иринея, еп. Лионский.* Сочинения // Пер. протоиерея П. Преображенского. 2-е изд. СПб.: И.Л. Тузов, 1900. С. 286–287.

Приведенный текст оставляет вопросы. Непонятно, каким образом воплотившийся Логос «снова начал длинный ряд человеческих (сущств)». Более того, спасение не может быть «сокращенным»: оно либо есть, либо его нет. От затруднений могло бы избавить обращение к критическому изданию текста: «<...> τὴν μακρὰν τῶν ἀνθρώπων ἱστορίαν εἰς ἑαυτὸν ἀνεκεφαλαίωσατο, ἐν συντόμῳ τὴν σωτηρίαν παρασχὼν ἡμῖν <...>; «<...> longam hominum expositionem in seipso recapitulavit, in compendio nobis salutem praestans <...>»¹⁶, однако его неверная пунктуация подталкивает к прочтению, представленному у П. Преображенского (а равно и во французском переводе)¹⁷.

Ситуация прояснится, если учесть, что в приведенной фразе Ириной очевидным образом обыгрывает исходное значение глагола ἀνεκεφαλαίωω, заимствованного из риторики: когда длинная речь выступающего в суде оратора приближалась к завершению, он еще раз кратко повторял ее основные положения для того, чтобы выносящий решение судья мог охватить сказанное как целое. Этот прием назывался ἀνεκεφαλαίωσις. В приведенной цитате из Ирины сразу три термина могут быть поняты не онтологически, а риторически¹⁸. В этом случае «долгая история людей» станет «длинным повествованием (ἱστορίαν) о людях», которое Сын Божий «еще раз повторяет», «пропускает через Себя» (ἀνεκεφαλαίωσατο), проживая его «в сжатом виде» (ἐν συντόμῳ)¹⁹. Таким образом, Ириной говорит:

¹⁶ Irénée de Lyon. Contre les hérésies. Livre 3. Tome 2: Texte et traduction / Éd. par A. Rousseau et L. Doutreleau. Paris: Cerf, 1974. P. 342–345.

¹⁷ Ibid. P. 343: «[le fils de Dieu] lorsqu’il s’est incarné et s’est fait homme, il a récapitulé en lui-même la longue histoire des hommes et nous a procuré le salut en raccourci <...>».

¹⁸ Для латинского переводчика риторические коннотации были понятны, поскольку он предлагает «expositionem» и «in compendio».

¹⁹ Собственно, этот же риторический контекст сохраняется у ἀνεκεφαλαίωω, когда его использует ап. Павел. Ср.: «Заповеди: “не прелюбодействуй”, “не убивай”, “не кради”, “не лжесвидетельствуй”, “не пожелай чужого” и все другие заключаются в сем слове (ἐν τῷ λόγῳ τούτῳ ἀνεκεφαλαίουται): “люби ближнего твоего, как самого себя”» (Рим 13:9). И только посредством метатекстуальных герменевтических процедур становится возможным интерпретировать слова Павла в духе типологической экзегезы: «множество прежних ветхозаветных

Воплотившись и сделавшись человеком, Сын Божий в самом себе в сжатом виде повторяет основные моменты (ἀνεκεφαλαίωσατο) длинного повествования о людях (τὴν μακρὰν τῶν ἀνθρώπων ἱστορίαν), даруя нам спасение (ἐν συντόμῳ τὴν σωτηρίαν παρασχὼν ἡμῖν), так что потерянное нами в Адаме, то есть бытие по образу и подобию Божию, мы опять получили во Христе Иисусе.

Согласно Иринею, став совершенным человеком, Слово Божие в своем земном существовании «переживает» основные моменты истории человечества, обновляя каждый из них, так что ущербность Адама восполняется в Иисусе, непослушание Евы – в покорности Марии, древо познания заменяется древом жизни (крестом распятия), смерть становится жизнью.

Воплотившись и став совершенным человеком (за исключением греха), Христос – этот второй Адам – своей жертвой на кресте искупил вину человека и поправ своей смертью всеобщую смерть людей. На языке МП (вдохновленного «Тимеем» Платона) Христос отменил инвертированность человеческого существования, «выпрямил» бытие, опрокинутое ветхим Адамом. В возможности (потенциально) человечество уже спасено. Чтобы обрести актуальное, личное спасение, верующий должен уподобиться Христу и воспроизвести Его путь в себе. Таково условие «возвращения домой» и перехода в царство Божие²⁰.

В этом заключается смысл оглашаемого апостолом Петром изречения Иисуса: земное устройство – «*правое и левое, верх и низ, переднее и заднее*» (ср. выше Тим. 42е–43b) – следует еще раз перевернуть, поставить с головы обратно на ноги. Таким образом, цитируемый в МП *agraphon* Христа, – «*Если не сделаете правое как левое, а левое как правое, нижнее как верхнее, а заднее как переднее, не войдете в царство Божие*», – скорее все-

заповедей были прообразами единого новозаветного призыва “возлюби” (ἀγαπήσεις)».

²⁰ В канонических евангелиях из всех условных периодов с отрицательными парами протасис-аподосис (ἐὰν μὴ... οὐ μὴ...) единственным прямым прототипом этого речения Иисуса является Мф 18:3: «если не перевернетесь (στραφήτε) и не станете как дети, не войдете (εἰσεέλθητε) в царство небесное».

го является органичной частью МП, а не заимствован извне, как обычно полагают.

Как уже сказано, для себя Петр избирает радикальный способ подражания Христу – через повторение Его смерти на кресте. В МП Христос мистически представлен Крестом распятия, с обращения к которому Петр начинает свою речь. Чтобы вернуться назад в «древнее отечество», нужно обратиться «нисхождение» (κατάβασις) на землю в «восхождение» (ἐπίβασις) на Крест. Из обращенных головой вниз (ἐπὶ κεφαλῆν) люди обязаны сделаться прямостоящими (ὄρθοί). Опрокинутый вид должен быть обращен в форму прямостояния (τὸ ὄρθιον σχῆμα), что достигается посредством распятия на прямом древе (τὸ εὐθύξυλον, τὸ ὄρθον ξύλον) Креста.

Скажем несколько слов о лексических параллелях, которые позволили автору МП связать «Тимей» Платона и распятие Петра вниз головой, а также сконструировать соответствующий *logion* Иисуса. Первая из них находится в «Тимее»: когда Платон пишет об опрокинутом человеке, упершемся головой в землю и воспринимающем всё в перевернутом виде, он называет его «претерпевающим» (τοῦ πάσχοντος), упоминая при этом и тех, кто на него смотрит (τῶν ὀρώντων). В раннехристианском дискурсе лексема πάσχων («претерпевающий/страдающий») однозначно прочитывалась на языке мученичества, ассоциируясь со страданиями на кресте. Автору МП уже было известно, что апостол Петр был распят головой вниз. Таким образом, перенесение образности из «Тимея» в повествование о распинаемом вниз головой апостоле, окруженном уже не «смотрящими», но слушающими его людьми, становится естественным.

Новый Завет, разумеется, имплицитно содержит лексику и императивы «обращения/переворачивания», но теперь они выступают на первый план и интерпретируются не в переносном, но в буквальном, «тимеевском», смысле. Отправляясь от фразы Христа «если не обратитесь, <...> не войдете» из канонического Евангелия (Мф 18:3), автор МП конструирует похожее речение, инкорпорирующее в евангельский контекст «тимеевскую» образность: «Если не сделаете (ἐὰν μὴ ποιήσητε) правое как левое, а левое как правое, нижнее как верхнее,

а заднее как переднее, не войдете (οὐ μὴ εἰσέλθητε) в царство Божие».

Понимание того, что мотив переворачивания/поворота/обращения является стержнем и речи Петра в целом и данного речения Иисуса в частности, позволяет расставить правильные ориентиры в дебатах относительно места этого высказывания Иисуса в ряду прочих аграф (см. ниже).

В МП имеются и другие аллюзии, связывающие его с «Тимеем» Платона. Например, параллелизм обнаруживается в следующем месте:

Tim. 90a7-b1:	Mar. Petr. 9 (38)
<i>Πовесισ</i> (ἀνακρεμαννόν) голову (κεφαλήν), наш корень, туда, где <i>впервые</i> произошло рождение (ἡ πρώτη γένεσις) души, божество <i>выпрямило</i> все тело (ὀρθοῖ πάν τὸ σῶμα).	<i>Первый</i> человек (ὁ πρῶτος ἄνθρωπος), оказавшийся в положении, которое я, [<i>повешенный</i>], сейчас принял, принесенный <i>головой</i> вниз (κατὰ κεφαλῆς), явил мертвое <i>рождение</i> (γένεσιν) <...>.

«Тимей» говорит о душе, утверждая, что тело является прямостоящим (ὀρθός), поскольку его голова «подвешена» (ἀνακρεμαννόν) вверху – там, где душа обрела впервые рождение (ἡ πρώτη γένεσις). Напротив, первый человек (ὁ πρῶτος ἄνθρωπος) – Адам, изгнанный из рая на землю, – явил мертвое рождение (γένεσιν) и пребывает в положении (ἐν εἶδει) «головой вниз», каковое воспроизводит и «повешенный» (ἀποκρεμάμενον) на кресте Петр.

Еще одна возможная параллель: в обоих текстах человек оказывается в земном бытии, «низвергнув свое начало на землю» (τὴν ἀρχὴν... εἰς γῆν) в МП и «уперев голову в землю» (τὴν κεφαλὴν... ἐπὶ γῆς) в «Тимее». Сходство тем более очевидно, что на языке Нового Завета и у ранних христианских авторов «голова» и «начало» являются синонимами²¹.

²¹ См.: Bedale S. The Meaning of κεφαλή in the Pauline Epistles // The Journal of Theological Studies. 1954. Vol. 5.2. P. 211-215; Grudem W. Does Κεφαλή ('Head') Mean 'Source' or 'Authority Over' in Greek Literature? A Survey of 2,336 Examples // Trinity Journal. 1985. Vol. 6. P. 38-59; Mickelsen B. & A. What Does

Таким образом, мотив перевернутого человека из «Тимея» Платона перетолкован в свете ветхозаветной истории изгнания первого человека Адама из рая и императива «вернуться в древнее отечество», последовав за «вторым Адамом», Иисусом Христом. Путь богоподражания проходит через смерть на кресте, который в этой перспективе превращается из орудия позорной смерти в дерево вечной жизни. Лейтмотив монолога апостола Петра – исход из рая и возвращение в него.

Тот факт, что библейское повествование автор МП толкует в духе, заданном «Тимеем» Платона, не был замечен никем из многочисленных издателей, переводчиков и исследователей МП, предложивших и предлагающих множество его интерпретаций. Между тем, только знание этого релевантного контекста позволяет адекватно истолковать «послание» автора МП и увидеть его в той перспективе, которую он сам выстраивал.

«Мученичество Филиппа»

В корпусе апокрифических деяний апостолов есть еще один текст, наследующий традицию повешения вниз головой и сохраняющий при этом «тимеевский» смысл аргументации:

Kephalē Mean In The New Testament? // *Women, Authority & the Bible* / Ed. by A. Mickelsen. Downers Grove (IL): InterVarsity Press, 1986. P. 97–110; *Kroeger C.C. The Classical Concept of Head as ‘Source’ // Equal to Serve: Women and Men Working Together Revealing the Gospel* / Ed. by G.G. Hull. Grand Rapids: Baker Pub Group, 1998. P. 268–283; *Lee-Barnewell M. Turning Κεφαλή on Its Head: The Rhetoric of Reversal in Ephesians 5:21–33* // *Christian Origins and Greco-Roman Culture. Social and Literary Contexts for the New Testament* / Ed. by S.E. Porter, A.W. Pitts. Leiden: Brill, 2013. P. 599–614. Ср. Cyrillus Alexandrinus, *De recta fide* (267–268 Pusey): «Первым главой (κεφαλή) нашего рода (γένους), т.е. началом (ἀρχή), стал тот, кто от земли и перстный. А так как вторым Адамом наименован Христос, то Он поставлен главою, т.е. началом, тех, которые через Него преобразуются... в нетление... А что *глава означает начало*... утверждает высказывание, что муж есть глава жены, ведь она была взята от него» (пер. В. Дмитриева). Более того, у ап. Павла сохраняется «платоновское» представление о том, что голова – корень человека, поскольку Павел считает, что тело человека «растет от головы», см. Кол 2:19: «Главы, от которой все тело <...> растет (αἰξεται)».

это – «Мученичество апостола Филиппа»²², в котором распятие апостолов представлено следующим образом:

МФ 125–126: «Он приказал повесить Филиппа: проколоть его лодыжки, приготовить железные крюки, пронзить его пятки и повесить на дереве вниз головой (κρεμασθῆναι κατὰ κεφαλῆς... ἐπὶ τινος δένδρου) лицом к святилищу. А Варфоломея растянули (ἐκτείναντες) напротив Филиппа, пригвоздив его руки к стене храмовых ворот. И оба, Филипп и Варфоломей, улыбались, видя (ὀρῶντες) друг друга, как будто их не пытали»²³.

МФ 129: «И Иоанн увидел Филиппа, повешенного вниз головой (κατὰ κεφαλῆς κρεμάμενον) за лодыжки и пятки. Увидел он и Варфоломея, растянутого (ἐκτεταμένον) на стене храма и сказал им: “Таинство повешенного (κρεμασθέντος) между (ἐν μέσῳ) небом и землей да будет с вами”»²⁴.

После этого Филипп произносит речь, которая традиционно считалась повторением речи Петра на кресте:

МФ 140: «Мне назначено в этом городе выйти из моего тела в положении (σχήματι), в котором вы меня видите. Вы же не печальтесь о том, что я повешен (κρέμαμαι) таким образом. Ибо я несу тип (τύπον) первого человека²⁵, принесенного (ἐνεχθέντος) на землю головой вниз и посредством древа Креста снова животворенного от смерти преступления [заповеди]. А теперь я исполню то, что мне поручено. Ибо Господь сказал мне: “Если не соделаете у себя верх в низ и левое в правое, не войдете в мое царство”. Поэтому не уподобляйтесь взаимопереставленному типу (τῷ ἀντιπαρῆλλαμένῳ

²² Его анализ см. в: *Matthews C.R.P. Peter and Philip Upside Down* (APh Mart. 34 and APt 38) // *Matthews C.R.P. Philip: Apostle and Evangelist. Configurations of a Tradition*. Leiden: Brill, 2002. P. 189–196.

²³ *Acta Philippi 125, 13–126, 3* (Bonnet).

²⁴ *Acta Philippi 129, 6–11* (Bonnet).

²⁵ Ср. 1 Кор 15:47–48: «Первый человек – из земли, перстный; второй человек – с неба. И как мы носили образ (ἐφορέσαμεν τὴν εἰκόνα) перстного, будем носить и образ небесного».

τύλω)²⁶, ибо весь мир переставлен (ἐνήλλακται), и всякая душа, переворачивающаяся (ἀναστρεφόμενη) в теле, оказывается в забвении небесного»²⁷.

То, что недостаточно ясно сформулировано в МП, проясняется, если параллельно читать МФ. Однако, в каких отношениях друг к другу находятся два текста, сказать сложно. Как это нередко бывает применительно к корпусу апокрифической литературы, мнения относительно того, какой из текстов служит источником для другого, разнятся. Шнеемелхер считал, что МФ демонстрирует «знание и использование» МП в IV–V вв.²⁸ Напротив, Мэтьюс полемизирует с установившимся мнением о прямой литературной зависимости МФ от МП²⁹, полагая, что, хотя в основе сюжета с распятием Филиппа вниз головой лежит литературная традиция, связанная с распятием Петра, из этого не следует, что автор МФ механически копирует текст МП.

Знание того, что речь Петра на кресте зависит от «Тимея» Платона, помогает прояснить ситуацию с уже упоминавшимся речением Иисуса. Некоторые исследователи считают, что *logion* Иисуса из МП и МФ является переделкой внешне похожего речения из «Евангелия Фомы»³⁰. Теперь мы имеем веский аргумент против подобного предположения. В самом деле, в «Тимее» речь идет о топологической инверсии, которая уже во вторую очередь

²⁶ Причастие ἀντιπαρηλλαγμένῳ представляет собой гапак от ἀντιπαρά-λάσσω.

²⁷ Acta Philippi 140 (Bonnet).

²⁸ Schneemelcher W. The Acts of Peter // New Testament Apocrypha. Vol. 2 / Rev. ed. by W. Schneemelcher. Engl. transl. by R. McL. Wilson. Cambridge: J. Clarke & Co., 2003. P. 276–277.

²⁹ Matthews C.R.P. Peter and Philip Upside Down. P. 180–188.

³⁰ См. Евангелие от Фомы 22: «Иисус сказал им: “Когда вы сделаете двоих одним, и когда вы сделаете внутреннее как внешнее, и внешнее как внутреннее, и верхнее как нижнее, и когда вы сделаете мужчину и женщину одним, чтобы мужчина не был мужчиной и женщина не была женщиной, когда вы сделаете глаза вместо глаза, и руку вместо руки, и ногу вместо ноги, образ вместо образа, – тогда вы войдете в [царство]”» (пер. с коптского М.К. Трофимовой, с изменениями). Англ. пер. см.: The Nag Hammadi Library in English. 3rd, revised ed. / Ed. by J.M. Robinson. Leiden; New York: Brill, 1988. P. 129.

получает аксиологическую или экзистенциальную интерпретацию. Зная, что *logion* Иисуса в МП исходит из указанного контекста и продолжает его интенции, мы ясно видим принципиальное отличие речения Иисуса из «Евангелия Фомы»: его отправной точкой является не перемена пространственных и ценностных координат мира, отправшего от Бога, но вдохновленное идеями энкратизма снятие деления на мужское и женское. Таким образом, неверно предположение, что речение Иисуса из «Евангелия Фомы» явилось образцом при конструировании речения из «Мученичеств», а отсутствие оппозиции «мужское/женское» в последнем – это сознательная редакторская правка.

Сравнительный анализ показывает, что варианты «нарратива переворачивания», представленные в МП и МФ, восходят к одному источнику – «Тимею» Платона:

МП	МФ
<p>Первый человек, оказавшийся в форме (ἐν εἶδει), которую я сейчас принял, принесенный головой вниз (κατὰ κεφαλῆς ἐνεχθεῖς), явил (ἔδειξεν) мертвое рождение <...>.</p>	<p>Я несу форму (τύπον) первого человека, принесенного на землю головой вниз (κατὰ κεφαλῆς ἐνεχθέντος) <...>.</p>
<p>Онный [человек] установил для себя всю теперешнюю форму мироустройства (διακοσμήσεως εἶδος), в котором явил правое левым, а левое правым и переставил (ἐνηλλάγη) все приметы их естества, так что безобразное считалось прекрасным, а природные блага – злом.</p>	<p>Не уподобляйтесь взаимопереставленной форме (ἀντιπαρηλλαγμένῳ τύπῳ), ибо весь мир переставлен (ἐνήλλακται), и всякая душа, переворачивающаяся (ἀναστρεφόμενη) в теле, оказывается в забвении небесного.</p>
<p>Господь говорит о них в таинстве: «Если не сделаете (ἐὰν μὴ ποιήσητε) правое как левое, а левое как правое, нижнее как верхнее, а заднее как переднее, не войдете в царство Божие».</p>	<p>Господь сказал мне: «Если не соделаете (ἐὰν μὴ ποιήσητε) у себя верх в низ и левое в правое, не войдете в мое царство».</p>

Подобает <...> вернуться в древнее отечество – взойти на Господний крест, который есть растянутое [на нем] Слово.	[...Человека,] посредством древа Креста возвращенного к жизни от смерти преступления [заповеди].
---	--

МФ добавляет к тому, что мы видели в МП, важный элемент, утверждая, что «всякая душа, переворачивающаяся (ἀναστρεφομένη) в теле, оказывается в забвении небесного». Это еще одна отсылка к «Тимею» Платона, в котором читаем: «ἄνους ψυχὴ γίγνεται τὸ πρῶτον, ὅταν εἰς σῶμα ἐνδεθῆ ἠθητόν» («когда душа закладывается в смертное тело, то сперва делается лишенной ума») ⁵¹. Сам Платон в «Федре», а затем платоники Плотин, Макробий и др. – прямо называют это лишение ума, случающееся с душой после погружения в тело, «забвением» прежней жизни. Поскольку в МП мотив забвения отсутствует, это аргумент в пользу того, что автор МФ признавал «платоновскую» основу повествования об опрокидывании и не был слепым копиистом, механически перенесшим сюжет с перевернутым распятием из МП. Он добавляет еще одну отсылку к «Тимею», которая является его оригинальным вкладом (в МП она отсутствует).

В этом месте «Мученичество» мы имеем яркий пример вмещения смысла из текста в контекст, не явленный читателю

⁵¹ *Plato, Timaeus 44ab. Cf. Plotinus, Enneades IV, 3, 26, 50–55*: «Что же касается памяти (μνήμη), то тело лишь мешает ей; тело прилагает забвение (λήθη) к памяти, так что отделяясь и очищаясь от тел, память весьма ободряется. Ибо память есть нечто устойчивое, природа же тел подвижна и текуча, и потому она необходимо является причиной забвения, а не памяти. Таким образом может быть понята река Лета» (пер. Т.Г. Сидаша); *Macrobius, In Somnium Scipionis I, 10, 10*: «Они объявляли, что река забвения [Лета] есть не что иное, как ошибка души, забывающей (obliviscentis) о величии прежней жизни, которой она обладала, прежде чем быть загнанной (truderetur) в тело, и думающей, что только в теле возможна жизнь», пер. М.С. Петровой. Cf. *Plato, Phaedo 91e–92a*: «τὴν μάθησιν ἀνάμνησιν εἶναι... ἀναγκαίως ἔχειν ἄλλοθι πρότερον ἡμῶν εἶναι τὴν ψυχὴν, πρὶν ἐν τῷ σώματι ἐνδεθῆναι», «знание – это припоминание и <...> душа наша непременно должна была где-то существовать, прежде чем быть запертой в теле».

непосредственно и считываемый только «посвященными»³² (а таковыми становятся те, кто начитан в текстах другой, гетеродоксальной традиции). Впрочем, таковых было немало, поскольку до III в. н.э. «Тимей» – эта «библия платоников» – оставался практически единственным прозаическим сочинением классической Греции, прочесть которое полагалось всякому образованному человеку. «Тимей» Платона оказал определяющее влияние на мировоззрение Филона Александрийского; цитаты из этого платоновского диалога и отсылки к нему находятся в сочинениях ранних христианских авторов; под его влиянием формировались учения о творении у христианских гностиков. «Тимей» и Книгу Бытия читали как взаимодополняющие повествования о создании мира³³.

Поэтому неудивительно, что автор апокрифического «Мученичества апостола Петра» решил провести параллель между опрокинутым человеком из «Тимея» Платона и перевернутым распятием апостола Петра. Он истолковал распятие апостола на кресте вниз головой как попытку пластически проиллюстрировать опрокинутость существования первого человека, исторгнутого из рая в земное бытие. Философский язык для интерпретации этой опрокинутости автор МП заимствует у Платона.

В целом не вызывает сомнения первичность нарратива и автономность «герметической» образности МП в сравнении с МФ. Его лексика, языковые обороты, риторическая логика

³² О схожей практике вымещения смысла из текста в контекст в «Ареопагитиках» см.: *Petroff V. Corpus Areopagiticum as a Project of Intertextuality // Dire Dieu. Principes méthodologiques de l'écriture sur Dieu en patristique. Actes du colloque de Tours, 17–18 avril 2015 / Éd. par B. Pouderon, A. Usacheva. Paris: Beauchesne, 2017. P. 253–275; Петров В.В. Ареопагитский корпус как интертекстуальный проект // Философский журнал. 2015. Т. 8. № 2. С. 56–75.*

³³ *Runia D.T. Philo of Alexandria and the Timaeus of Plato. Leiden: Brill, 1986. P. 57; Runia D.T. Ancient Philosophy and the New Testament: 'Exemplar' as Example // Method and Meaning. Essays on New Testament Interpretation in Honor of Harold W. Attridge / Ed. by A.B. McGowan, K.H. Richards. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2011. P. 347–361; Dillon J. The Middle Platonists, 80 B.C. to A.D. 200. Ithaca (N.Y.): Cornell University Press, 1977. P. 387; Holsinger-Friesen T. Irenaeus and Genesis. A Study of Competition in Early Christian Hermeneutics. Winona Lake (In): Einsenbrauns, 2009. P. 86.*

и образность помещают МП в эпоху ранней христианской, гностической и герметической литературы. Отличительной чертой произведения является отчетливый эзотеризм, оно обладает инициационным, мистагогическим характером, имеет свою метафизику и драматургию. Напротив, МФ, если рассматривать его стилистически, принадлежит к жанру популярных житийных легенд, насыщенных лубочными чудесами и сказочными подробностями. Строки, вдохновленные «Тимеем» Платона, не создают в нем самостоятельного раздела и не имеют драматургической автономности.

Позднейшая судьба МП и МФ

МП дошло до нас во множестве хронологически более поздних редакций и переложений. Рассмотренный нами текст МП, представленный в трех греческих рукописях, является самым древним. Более поздние версии стремятся заглушить исходный метафизический смысл распятия апостола Петра вниз головой, вдохновленной дискурсом платоновского «Тимея». Они делают это за счет различных риторических средств: посредством перефразировки, введения дополнительных пояснений или, напротив, сознательных пропусков текста.

Пример такого подхода демонстрируют два ранних латинских переложения МП – «Мученичество блаженного апостола Петра, записанное епископом Лином» (далее: пс.-Лин)³⁴ и «Деяния из Верчелли» («Actus Vercellenses» или «Actus Petri cum Simone»)³⁵. В обоих этих латинских переложениях «Мученичество» сохранилось в составе более пространныго повествования, собранного из двух сюжетных частей: первая повествует о борьбе апостола Петра в Риме с Симоном Волхвом, а вторая – это парафраз собственно «Мученичества Петра» (излагаются события его распятия и речь на кресте).

³⁴ Эти «Деяния» приписаны Лину, преемнику Петра на кафедре епископа Рима, и датируются предположительно концом IV или V в.

³⁵ «Деяния из Верчелли» датируются II–V вв. и дошли до нас в единственной рукописи VII в. (Vercelli, Biblioteca Capitolare 158).

Эти две латинские версии представляют собой не переводы с греческого оригинала, но переложения и адаптации. Характерно, что исходный философский и богословский смысл речи апостола Петра на кресте в них утрачивается. Пс.-Лин, например, уже не знает о том, что философским фундаментом для рассуждений об опрокинутости первого человека послужил «Тимей» Платона. Когда в переложении пс.-Лина говорится о просьбе Петра к палачам распять его вниз головой, это сопровождается следующим пояснением:

Распиная меня, расположите меня головой вниз и ногами вверх (*caput deorsum ponatis et pedes sursum*). Ибо не подобает мне, последнему рабу, быть распятым так, как посчитал достойным пострадать (*pati*) ради спасения всего мира Господин вселенной, которого должно прославить моим страданием. Так [нужно] еще потому, чтобы я мог постоянно сосредоточенным взором (*intento uultu*) созерцать таинство креста, и чтобы окружающие лучше слышали то, что я скажу с него³⁶.

Таким образом, причиной распятия апостола Петра вниз головой объявлены его самоуничужение и удобство общения с собравшимися. В ключевом месте речи Петра, где он рассуждает о причинах перевернутости мира, пс.-Лин кардинальным образом трансформирует текст:

Вы же, братья, <...> познайте <...> таинство всей природы и начало всеобщего тварного устройства (*factae constitutionis initium*). Ибо первый человек, род которого я имею в [своем] виде (*genus in specie ego habeo*), посланный головой вниз (*misso deorsum capite*), явил некогда погубленное рождение (*olim perditam generationem*), поскольку рождение его было мертвым и не имело жизненного движения.

Но Тот, кто есть Начало (*principium*), движимый своим состраданием пришел в мир через телесное бытие (*corporalem substantiam*). <...> Через образ (*speciem*) своего <...> креста, Повешенный на кресте восстановил <...> временное в качестве левого, и вечное, которое считалось за левое [, поставил правым]. Поскольку Он прославил правое, то переменял все

³⁶ Ps.-Linus, 12.

приметы (*omnia signa*) сообразно их надлежащей природе, так как Он считает благом (*bona*) то, что благом не считалось, и воистину благоприятным то, что считалось пагубным.

Поэтому Господь говорит в таинстве: *«Если не сделаете правое, как левое, и левое, как правое, и верхнее, как нижнее, и переднее, как заднее, не познаете царства Божия»*³⁷.

В греческом МП Адам играет более активную роль: он сам опрокинул космическое устройство³⁸. О том, что восстановление ориентиров (*signa*) мира в прежнем статусе было осуществлено спасительной жертвой Христа, не говорилось, но лишь предполагалось известным. Более того, сказано, что, прибегнув к Христу, верующие «возобновятся»³⁹. Контекст этой фразы близок к таковому в герметическом корпусе, а там возобновление-палингенезис осуществлялись не богом-спасителем, но посредством собственного мистического восхождения⁴⁰.

Напротив, у пс.-Лина первый человек лишен активной роли. Сказано, что он явил «некогда погубленное рождение», и упомянуто (но посредством пассивной синтаксической конструкции), что положение (*conditio*) «устроителей сей жизни» (*auctoribus huius uitae*) сделалось измененным (*mutata*). Отчего и как, остается неясным. Функции «переворачивателя»-восстановителя передаются у пс.-Лина от человека к Христу, который «пришел в мир через телесное бытие» и посредством образа своего креста «восстановил и установил» (*restituit et constituit*) в исходном положении то, что «было изменено (*immutata*) из-за начальной ошибки людей». Подобное переформатирование текста имеет своей целью сознательное приведение к ортодоксии, хотя достигается это ценой уничтожения логики исходного

³⁷ Ps.-Linus, 14 (p. 16, 16 – 17, 17).

³⁸ Ср. МП: «Сойдя вниз и низвергнув свое начало на землю, оный человек установил для себя весь теперешний вид мироустройства, в котором явил правое левым, а левое правым и переставил все приметы их естества, так что безобразное считалось прекрасным, а природные блага – злом».

³⁹ МП: «И вы, братья, к Нему прибегнув, обновитесь».

⁴⁰ См.: *Петров В.В.* Проповедь безмолвия и обновления из «Мученичества апостола Петра»: ее источники и контексты // Платоновские исследования. 2021. № 14.1. С. 54–77.

нарратива. Разумеется, такой прототекст, как «Тимей» Платона в редакции пс.-Лина, распознать практически невозможно.

В заключение я хотел бы указать на еще один яркий и вместе с тем глубокий пример трансформации мотива опрокинутого человека. Д.С. Мережковский в своем философско-богословском трактате «Иисус Неизвестный» (1932) цитирует фрагменты МП и МФ на греческом и латинском языках и интерпретирует описанное в них переворачивание как переход в иную, божественную реальность, которую именует пространством «четвертого измерения».

Комплекс представлений о четвертом измерении как о реальности, которая по отношению нашему трехмерному миру характеризуется большей свободой, большей сложностью, парадоксальностью и, говоря вообще, «божественностью», обнаруживается во многих произведениях Мережковского⁴¹. Подробный анализ его высказываний на эту тему требует специальной публикации⁴². Здесь же достаточно отметить сам факт продолжения традиции рассуждений о «переворачивании» при переходе через границу между мирами и жизнями. В самом деле, Платон в «Тимее» в терминах «опрокидывания» противопоставляет бытие души в теле ее прежнему бытию с богами. В МП апостол Петр изобразил начало земного бытия первого человека, изгнанного из райского (божественного) бытия, как опрокинутое существование. Петр призывает к еще одному опрокидыванию, долженствующему восстановить исходную прямоту, т.е. открыть путь в царство Божие и жизнь вечную.

⁴¹ О четвертом измерении у авторов конца XIX – начала XX в. см.: *Петров В.В.* Концептуальное и перцептуальное пространство в ранних работах Андрея Белого // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. Вып. 3. М.: Аквилон, 2016. С. 287–331; *Петров В.В.* Телеология, четвертое измерение и обратный ход времени в работах А. Белого, Вячеслава Иванова и М. Волошина // Вячеслав Иванов: исследования и материалы. Вып. 3 / Сост. С.В. Федотова, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ, 2018. С. 13–65.

⁴² См.: *Петров В.В.* «Здесь геометрия становится уже религией»: Метафизика неевклидовой геометрии в теоретических построениях Д.С. Мережковского // *Emigrantica: памяти О.А. Коростелева*. М.: ИМЛИ РАН (в печати).

Именно последний мотив и развивает Мережковский в «Иисусе Неизвестном».

Мережковский рассуждает там о Нагорной проповеди, произнесенной Иисусом на Горе Блаженств в Галилее, замечая, что «заповеди блаженства» – это «весть о царстве Божиим». Они суть таинство и «подлиннейший и внутреннейший опыт» Иисуса; они суть «“апокриф”, в котором “посвященные” узнают мистерию – религиозный опыт, внутренний, не менее действительный, чем опыт внешний, исторический». Сильнее всего этот мистериальный опыт выступает в изложении евангелиста Матфея, и здесь Мережковский дает свою интерпретацию евангельским словам Иисуса, которые, по нашему предположению, послужили отправной точкой для конструирования речения Иисуса в МП: «Если не *обратитесь* <...>, не войдете в царство небесное»⁴⁵ (Мф 18:3):

В этом-то именно слове: «обратитесь», *στραφῆτε*, «обернетесь», «перевернетесь», «опрокинетесь», – ключ ко всему в Блаженствах. В слове Господнем, не вошедшем в Евангелие, «незаписанном», *agraphon*, – тот же ключ: / *Так сказал Господь в тайне: если вы не сделаете ваше правое левым и ваше левое правым, ваше верхнее нижним и ваше нижнее верхним... то не войдете в Царство Мое.* / *Dominus in mysterio dixerat: si non feceritis dextram sicut sinistram et quae sursum sicut deorsum, non cognoscetis regnum Dei,* / οὐ μὴ εἰσέλθητε εἰς τὴν βασιλείαν μου⁴⁴.

В приведенных выше иноязычных цитатах латинская фраза представляет собой строки из «Мученичества Петра» в переложении пс.-Лина, а греческая – строку из МФ. На изданиях обоих сочинений Мережковский дает ссылку⁴⁵, а текст обеих цитат

⁴⁵ Mat 18:3: ἐὰν μὴ στραφῆτε καὶ γένησθε ὡς τὰ παῖδια, οὐ μὴ εἰσέλθητε εἰς τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν. Страфῆте греческого текста – это дериват от глагола στρέφω, который, помимо значения «изменять», имеет также значение «переворачивать», «опрокидывать».

⁴⁴ Мережковский Д.С. Иисус Неизвестный. Т. 2. Ч. 1. Гл. 3, 7. Белград, 1932. С. 52–54.

⁴⁵ Мережковский Д.С. Иисус Неизвестный. Примечания. С. III: «Pseudo-Linus, de passione Petri et Pauli (Biblioth. Part. max. Lugd. II, p. 70, b.). – Acta Philip., c. 34. – Resch, Agrapha, 279. – Henneke, Handb. zu den N.T. Apokryph., 1904, S. 16».

берет из книги Альфреда Реша «Аграфы: неканонические текстуральные фрагменты»⁴⁶, где они объединены под титулом «Апокриф 73а». Зная, что источником Мережковского является этот апокриф в издании Реша, мы понимаем, отчего цитата Мережковского представляет собой смесь латинского и греческого (так напечатал Реш).

Процитировав апокрифический *logion* из «Мученичеств», Мережковский дает ему собственную трактовку:

Это и значит: «*В царство Мое не войдете, Блаженств не познаете, если не обратитесь, не перевернетесь, не опрокинетесь*». Первое же слово Господне, сказанное миру: μετανοείτε⁴⁷, «покайтесь», «опомнитесь», значит: перемените все ваши мысли, все ваши чувства, всю вашу волю; выйдите из этого мира, из трех измерений, и войдите в тот мир, в измерение четвертое, где нижнее становится верхним, и верхнее – нижним, правое – левым, и левое – правым; где все наоборот. Только «перевернувшись», «опрокинувшись», только «вниз головой», к ужасу всех, как будто твердо на ногах стоящих, «здравомыслящих», можно войти, влететь, упасть, из этого мира в тот, из царства человеческого в царство Божье, из печали земной в блаженство небесное⁴⁸.

Не удовлетворившись цитированием апокрифов, Мережковский подкрепляет свое толкование цитатой из «Вавилонского талмуда»:

«Царство Божие есть опрокинутый мир», – скажет рабби Иозий Бен-Леви, иудейский книжник, может быть, один из тех, кто, по слову Господню, «недалек от царства Божия» (Мф 12:34), во всяком случае, ближе к нему всех нынешних – бывших христиан⁴⁹. Мир опрокинутый, перевернутый, есть Царство Божие;

⁴⁶ Agrapha. Aussercanonische Schriftfragmente. Gesammelt und untersucht / Hrsg. von A. Resch. Leipzig: J.C. Hinrichs, 1906. S. 279.

⁴⁷ Мф 3:2: «И говорит: покайтесь (μετανοείτε), ибо приблизилось Царство Небесное». Ср.: Мф 4:17.

⁴⁸ Мережковский Д.С. Иисус Неизвестный. С. 53.

⁴⁹ Мережковский указывает свой источник: «H. Monnier, La mission historique de Jesus, 1914, 196».

это и значит: царству человеческому обратно Царство Божие; там все наоборот⁵⁰.

В целом, подытоживает Мережковский, заповеди блаженств – это «музыка, доносящаяся в этот мир из того, где все обратно подобно этому, – все наоборот»:

Ряд Блаженств – ряд переворотов, полетов вниз головой, радостно-ужасающих. В небе перевернутая, опрокинутая, как предмет отраженный в зеркале вод⁵¹, всякая тяжесть земная становится легкостью, всякая печаль – блаженством; и *наоборот*: здешняя легкость становится нездешнею тяжестью, земное блаженство – небесной печалью.

Ниже Мережковский снова возвращается к теме соделанного Иисусом опрокидывания мира, говоря, что «прямо стоящий мир будет опрокинут Иисусом, или опрокинутый – поставлен прямо»⁵². По мысли Мережковского, подобный переворот, осуществленный христианством, и есть подлинная, духовная революция. Поэтому настоящими, радикальными революционерами являются христиане, а не политические деятели:

«Кто ученики Господни? “Всесветные возмутители”, οἱ τῆν οἰκουμένην ἀναστᾶτώσαντες (Деян 17:6), “революционеры всемирные”, по-нашему: ἀναστᾶτωςις значит “восстание”; ἀνάστασις – “воскресение”, “восстание из мертвых”. Все христиане – “возмутители всесветные”, опрокидывающие – или

⁵⁰ См.: Вавилонский талмуд. Трактат Песахим (Пасхи). Гл. 3, 50а, 6, где сказано, что однажды рабби Йосеф, сын рабби Иешуа бен Леви, заболел и был при смерти. Когда он пришел в себя, отец спросил его о том, что он видел, когда почти умер. Йосеф ответил: «Я видел перевернутый мир (olam ha-fuch) – то, что сверху, было внизу, а то, что внизу, было сверху». Иешуа бен Леви сказал ему: «Сын мой, ты видел мир ясности (olam brurah)», <https://www.sefaria.org/Pesachim?lang=bi> (дата обращения 10.06.2021).

⁵¹ Об этом мотиве см.: *Петров В.В.* «Две бездны» в русской литературной и философской традиции: Ф. Тютчев, Д. Мережковский и Вяч. Иванов // Д.С. Мережковский: писатель – критик – мыслитель: Сборник статей / Ред.-сост. О.А. Коростелев, А.А. Холиков. М.: Дмитрий Сечин, Литфакт, 2018. С. 240–268.

⁵² *Мережковский Д.С.* Иисус Неизвестный. С. 64.

восстанавливающие мир. Первый же из них и величайший – Христос. Кто бы ни был Он, – Губитель или Спаситель, Он Первый Двигатель, *Primo Motore*, опрокидывающий – или восстанавливающий мир»⁵⁵.

Таким образом Д.С. Мережковский оказался продолжателем философско-богословской традиции «опрокидывания». Не зная о том, что она восходит к «Тимею» Платона, он использует апокрифические мученичества апостолов Петра и Филиппа, которые наследуют и трансформируют платоновский дискурс переворачивания. Мережковский верно схватывает смысл этой концепции, развивая ее в учение о «четвертом измерении» и духовной революции.

Список литературы

- Ириней, еп. Лионский.* Сочинения // Пер. протоиерея П. Преображенского. 2-е изд. СПб.: И.Л. Тузов, 1900. 639 с.
- Мережковский Д.С.* Иисус Неизвестный. Т. 2. Ч. 1. Белград, 1932. xiv, 314 с.
- Морескини К., Норелли Э.* История литературы раннего христианства на греческом и латинском языках. Т. 1. От ап. Павла до эпохи Константина / Пер. с итал. Т.Л. Александровой, Р.С. Соловьева, А.И. Золотухиной. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2021. 816 с.
- Петров В.В.* Максим Исповедник: онтология и метод в византийской философии VII века. М.: ИФ РАН, 2007. 200 с.
- Петров В.В.* Теология символа у Карла Ранера и Герберта Форгримлера // ПЛАΤΩΝΙΚΑ ΖΗΤΗΜΑΤΑ. Исследования по истории платонизма / Под общ. ред. В.В. Петрова. М.: Кругъ, 2013. С. 309–317.
- Петров В.В.* Символ и священнодействие в позднем неоплатонизме и в «Ареопагитском корпусе» // ПЛАΤΩΝΙΚΑ ΖΗΤΗΜΑΤΑ.

⁵⁵ *Мережковский Д.С.* Иисус Неизвестный. С. 64. О схожей концепции «духовной революции» у Андрея Белого, см.: *Петров В.В.* Революция 1917 г. в современной ей литературно-философской апокалиптике // Революция, эволюция и диалог культур / Отв. ред. А.В. Черняев. М.: Гнозис, 2018. С. 69–92.

- Исследования по истории платонизма / Под общ. ред. В.В. Петрова. М.: Кругъ, 2013. С. 264–308.
- Петров В.В.* Концептуальное и перцептуальное пространство в ранних работах Андрея Белого // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. Вып. 3. М.: Аквилон, 2016. С. 287–331.
- Петров В.В.* Ареопагитский корпус как интертекстуальный проект // Философский журнал. 2015. Т. 8. № 2. С. 56–75.
- Петров В.В.* Телеология, четвертое измерение и обратный ход времени в работах А. Белого, Вячеслава Иванова и М. Волошина // Вячеслав Иванов: исследования и материалы. Вып. 3 / Сост. С.В. Федотова, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ, 2018. С. 13–65.
- Петров В.В.* «Две бездны» в русской литературной и философской традиции: Ф. Тютчев, Д. Мережковский и Вяч. Иванов // Д.С. Мережковский: писатель – критик – мыслитель: Сборник статей / Ред.-сост. О.А. Коростелев, А.А. Холиков. М.: Дмитрий Сечин, Литфакт, 2018. С. 240–268.
- Петров В.В.* Революция 1917 г. в современной ей литературно-философской апокалиптике // Революция, эволюция и диалог культур / Отв. ред. А.В. Черняев. М.: Гнозис, 2018. С. 69–92.
- Петров В.В.* «Тимей» Платона о видах движения, «небесном растении» и прямостоянии человека // СХОЛН. 2019. № 13 (2). С. 705–716.
- Петров В.В.* Опрокинутый человек «Тимея» Платона в апокрифических «Мученичестве Петра» и «Мученичестве Филиппа» // СХОЛН. 2020. № 14.2. С. 535–566.
- Петров В.В.* Филологический экзистенциализм Карла Кереньи // Цивилизация и варварство. 2020. Вып. 9. С. 96–129.
- Петров В.В.* Проповедь безмолвия и возобновления из «Мученичества апостола Петра»: ее источники и контексты // Платоновские исследования. 2021. № 14.1. С. 54–77.
- Петров В.В.* «Здесь геометрия становится уже религией»: Метафорика неевклидовой геометрии в теоретических построениях Д.С. Мережковского // Emigrantica: Памяти О.А. Коростелева. М.: ИМЛИ РАН (в печати).
- Acta Philippi (e cod. Vatic. gr. 824) // Acta apostolorum apocrypha. Bd. 2.2 / Hrsg. von R. Lipsius, M. Bonnet. Leipzig: Mendelssohn, 1903. S. 1–90.
- Bedale S.* The Meaning of κεφαλή in the Pauline Epistles // The Journal of Theological Studies. 1954. Vol. 5.2. P. 211–215.
- Dillon J.* The Middle Platonists, 80 B.C. to A.D. 200. Ithaca (N.Y.): Cornell University Press, 1977. xvii + 429 p.

- Grudem W.* Does Κεφαλή ('Head') Mean 'Source' or 'Authority Over' in Greek Literature? A Survey of 2,336 Examples // *Trinity Journal*. 1985. Vol. 6. P. 38–59.
- Holsinger-Friesen T.* Irenaeus and Genesis. A Study of Competition in Early Christian Hermeneutics. Winona Lake (In): Einsenbrauns, 2009. 266 p.
- Mickelsen B. & A.* What Does Kephālē Mean in The New Testament? // *Women, Authority & the Bible* / Ed. by A. Mickelsen. Downers Grove (Il): InterVarsity Press, 1986. P. 97–110.
- Kroeger C.C.* The Classical Concept of Head as 'Source' // *Equal to Serve: Women and Men Working Together Revealing the Gospel* / Ed. by G.G. Hull. Grand Rapids: Baker Pub Group, 1998. P. 268–283.
- Lee-Barnewell M.* Turning Κεφαλή on Its Head: The Rhetoric of Reversal in Ephesians 5:21–33 // *Christian Origins and Greco-Roman Culture. Social and Literary Contexts for the New Testament* / Ed. by S.E. Porter, A.W. Pitts. Leiden: Brill, 2013. P. 599–614.
- Matthews C.R.P.* Peter and Philip Upside Down (A^{Ph} Mart. 34 and A^{Pt} 38) // *Matthews C.R.P.* Philip: Apostle and Evangelist. Configurations of a Tradition. Leiden: Brill, 2002. P. 189–196.
- Monnier H.* La mission historique de Jesus. Paris: Fischbacher, 1914. 214 p.
- Petroff V.* Corpus Areopagiticum as a Project of Intertextuality // *Dire Dieu. Principes méthodologiques de l'écriture sur Dieu en patristique. Actes du colloque de Tours, 17–18 avril 2015* / Éd. par B. Pouderon, A. Usacheva. Paris: Beauchesne, 2017. P. 253–275.
- Grapha.* Aussercanonische Schriftfragmente. Gesammelt und untersucht / Hrsg. von A. Resch. Leipzig: J.C. Hinrichs, 1906. 426 p.
- The Nag Hammadi Library in English.* 3rd, revised ed. / Ed. by J.M. Robinson. Leiden; New York: Brill, 1988. xiv, 549 p.
- Irénée de Lyon.* Contre les hérésies. Livre 3. Tome 2: Texte et traduction / Éd par A. Rousseau et L. Doutreleau. Paris: Cerf, 1974. 509 p.
- Runia D.T.* Philo of Alexandria and the Timaeus of Plato. Leiden: Brill, 1986. xii + 617 p.
- Runia D.T.* Ancient Philosophy and the New Testament: 'Exemplar' as Example // *Method and Meaning. Essays on New Testament Interpretation in Honor of Harold W. Attridge* / Ed. by A.B. McGowan, K.H. Richards. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2011. P. 347–361.
- Schneemelcher W.* The Acts of Peter // *New Testament Apocrypha. Vol. 2* / Rev. ed. by W. Schneemelcher. Engl. transl. by R. McL. Wilson. Cambridge: J. Clarke & Co., 2003. P. 271–321.

The Upside-Down Man, the Overturned World: Transmigrations of a Motive

Valery V. Petroff

D.Sc. in Philosophy, Chief Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: campas.iph@gmail.com

Abstract. The paper discusses the concept of the “inverted man” from Plato’s *Timaeus* and the peculiarities of its transformation in the apocryphal Christian Martyrdom of the Apostle Peter and Martyrdom of the Apostle Philip, and in Dmitry Merezhkovsky’s *Jesus the Unknown*. It is argued that Plato compares the entry of the soul into the body with turning a person upside down, which leads to the inversion of their perception of right and left, true and false. The apocryphal martyrdoms borrow from the *Timaeus* the simile of the inverted man, interpreting it in terms of the Old Testament narrative about the expulsion of Adam from paradise, which resulted in the existential overturning of human existence and the reversal of his epistemological criteria and values. From the apocryphal Martyrdoms Merezhkovsky borrows Jesus’ logion containing a call to invert all coordinates. He interprets it as a task to break out of three-dimensional Euclidean space into the divine reality of the “fourth dimension”. In the spirit of his time, Merezhkovsky transforms the motive of the universal overturn into the concept of a spiritual revolution.

Keywords: Plato, the upside-down man, the overturned world, apocrypha, Dmitri Merezhkovsky, agrapha, topos, tradition, revolution

For citation: Petrov, V.V. “Perevernutyi chelovek, oprokinutyi mir: trasmirgatsii odnogo motiva” [The Upside-Down Man, the Overturned World: Transmigrations of a Motive], *Istoriko-filosofskii ezhegodnik*, 2021, No. 36, pp. 109–141. (In Russian)

References

- “Acta Philippi (e cod. Vatic. gr. 824)”, in: *Acta apostolorum apocrypha*. Vol. 2.2, hrsg. von R. Lipsius, M. Bonnet. Leipzig: Mendelssohn, 1903, S. 1–90.
- Bedale, S. “The Meaning of κεφαλή in the Pauline Epistles”, *The Journal of Theological Studies*, 1954, Vol. 5.2, pp. 211–215.

- Dillon, J. *The Middle Platonists, 80 B.C. to A.D. 200*. Ithaca (N.Y.): Cornell University Press, 1977. xvii + 429 pp.
- Grudem, W. "Does Κεφαλή ('Head') Mean 'Source' or 'Authority Over' in Greek Literature? A Survey of 2,336 Examples", *Trinity Journal*, 1985, Vol. 6, pp. 38–59.
- Holsinger-Friesen, T. *Irenaeus and Genesis. A Study of Competition in Early Christian Hermeneutics*. Winona Lake (In): Einsenbrauns, 2009. 266 pp.
- Irenaeus, ep. Lionskii. *Sochineniya* [Irenaeus, Bishop of Lyon. Works], trans. by P. Preobrazhenskiy. 2nd ed. Saint Petersburg: I.L. Tuzov, 1900. 639 pp. (In Russian)
- Mickelsen, B. & A. "What Does Kephālē Mean In The New Testament?", *Women, authority & the Bible*, ed. by A. Mickelsen. Downers Grove (Il): InterVarsity Press, 1986, pp. 97–110.
- Kroeger, C.C. "The Classical Concept of Head as 'Source'", *Equal to Serve: Women and Men Working Together Revealing the Gospel*, ed. by G.G. Hull. Grand Rapids: Baker Pub Group, 1998, pp. 268–283.
- Lee-Barnewell, M. "Turning Κεφαλή on Its Head: The Rhetoric of Reversal in Ephesians 5:21–33", *Christian Origins and Greco-Roman Culture. Social and Literary Contexts for the New Testament*, ed. by S.E. Porter, A.W. Pitts. Leiden: Brill, 2013, pp. 599–614.
- Matthews, C.R.P. "Peter and Philip Upside Down (Aph Mart. 34 and APT 38)", in: Matthews, C.R.P. *Philip: Apostle and Evangelist. Configurations of a Tradition*. Leiden: Brill, 2002, pp. 189–196.
- Merezhkovsky, D. *Iisus Neizvestnyi* [Jesus the Unknown]. Vol. 2. Part 1. Belgrad, 1932. xiv, 314 pp. (In Russian)
- Monnier, H. *La mission historique de Jesus*. Paris: Fischbacher, 1914. 214 pp.
- Moreschini, K., Norelli, E. *Istoriya literatury rannego khristianstva na grecheskom i latinskom yazykakh. T. 1. Ot ap. Pavla do epokhi Konstantina* [Early Christian Greek and Latin Literature: A Literary History. Volume One. From Paul to the Age of Constantine], trans. by T.L. Aleksandrova, R.S. Solov'ev, A.I. Zolotukhina. Moscow: Grekolatinskii kabinet Yu.A. Shichalina Publ., 2021. 816 pp. (In Russian)
- Petroff, V.V. *Maksim Ispovednik: ontologiya i metod v vizantiiskoi filosofii VII veka* [Maximus the Confessor: Ontology and Method in the 7th Century Byzantine Philosophy]. Moscow: IFRAS Publ., 2007. 200 pp. (In Russian)
- Petroff, V.V. "Teologiya simvola u Karla Ranera i Gerberta Forgrimlera" [Theology of Symbol in Karl Rahner and Herbert Vorgrimler],

- ПЛАТОНИКА ЗНТНМАТА. *Issledovaniya po istorii platonizma* [ПЛАТОНИКА ЗНТНМАТА. *Studies in the History of Platonism*], ed. by V.V. Petroff. Moscow: Krug Publ., 2013, pp. 309–317. (In Russian)
- Petroff, V.V. “Simvol i svyashchennodeistvie v pozdnem neoplatonizme i v Areopagitskom korpuse” [Symbol and the Sacred Action in the Later Neoplatonism and the ‘Corpus Areopagiticum’], ПЛАТОНИКА ЗНТНМАТА. *Issledovaniya po istorii platonizma* [ПЛАТОНИКА ЗНТНМАТА. *Studies in the History of Platonism*], ed. by V.V. Petroff. Moscow: Krug Publ., 2013, pp. 264–308. (In Russian)
- Petroff, V.V. “Kontseptual’noe i pertseptual’noe prostranstvo v rannikh rabotakh Andrey Belogo” [Conceptual and Perceptual Space in the Earlier Writings of Andrei Bely], *Intellektual’nye traditsii v proshlom i nastoyashchem* [Intellectual Traditions in Past and Present], Vol. 3. Moscow: Aquilo Press, 2016, pp. 287–331. (In Russian)
- Petroff, V.V. “Areopagitskii korpus kak intertekstual’nyi proekt” [Corpus Areopagiticum as a Project of Intertextuality], *Filosofskii zhurnal*, 2015, Vol. 8.2, pp. 56–75. (In Russian)
- Petroff, V. “Corpus Areopagiticum as a Project of Intertextuality”, *Dire Dieu. Principes méthodologiques de l’écriture sur Dieu en patristique*. Actes du colloque de Tours, 17–18 avril 2015, éd. par B. Poudron, A. Usacheva. Paris: Beauchesne, 2017, pp. 253–275.
- Petroff, V.V. “Teleologiya, chetvertoe izmerenie i obratnyi khod vremeni v rabotakh A. Belogo, Vyacheslava Ivanova i M. Voloshina” [Teleology, the Fourth Dimension and Time Running Backwards in the Works of Andrei Bely, Vyacheslav Ivanov, and Maximilian Voloshin], *Vyacheslav Ivanov: issledovaniya i materialy* [Vyacheslav Ivanov: Studies and Documents], Vol. 3, ed. by S.V. Fedotova, A.B. Shishkin. M.: IMLI Publ., 2018, pp. 13–65. (In Russian)
- Petroff, V.V. “‘Dve bezdny’ v russkoi literaturnoi i filosofskoi traditsii: F. Tyutchev, D. Merezhkovskii i Vyach. Ivanov” [‘Two abysses’ in the Russian literary and philosophical tradition: Fyodor Tyutchev, Dmitry Merezhkovsky, and Vyacheslav Ivanov], *D.S. Merezhkovskii: pisatel’ – kritik – myslitel’: Sbornik statei* [Dmitry Merezhkovsky: Writer – Critic – Thinker: Collection of Essays], ed. by O.A. Korostelev, A.A. Kholikov. Moscow: Dmitrii Sechin Publ., Litfakt Publ., 2018, pp. 240–268. (In Russian)
- Petroff, V.V. “Revolyutsiya 1917 g. v sovremennoi ei literaturno-filosofskoi apokaliptike” [The Revolution of 1917 in Its Contemporary Literary-Philosophical Apocalypics], *Revolyutsiya, evolyutsiya i dialog*

- kul'tur* [Revolution, Evolution, and Dialogue of Cultures], ed. by A.V. Chernyaev. Moscow: Gnozis Publ., 2018, pp. 69–92. (In Russian)
- Petroff, V.V. “‘Timei’ Platona o vidakh dvizheniya, ‘nebesnom rastenii’ i pryamostoyanii cheloveka” [Plato’s Timaeus on Types of Movements, the ‘Heavenly Plant’ and the Vertical Posture of Man], *ΣΧΟΛΗ*, 2019, Vol. 13.2, pp. 705–716. (In Russian)
- Petroff, V.V. “Oprokinutyi chelovek ‘Timeya’ Platona v apokrificheskikh ‘Muchenichestve Petra’ i ‘Muchenichestve Filippa’” [The Upside Down Man of Plato’s Timaeus in the Apocryphal Martyrdom of Peter and Martyrdom of Philip], *ΣΧΟΛΗ*, 2020, 14.2, pp. 535–566. (In Russian)
- Petroff, V.V. “Filologicheskii ekzistentsializm Karla Keren’i” [Philological Existentialism of Karl Kerényi], *Tsivilizatsiya i varvarstvo*, 2020, Vol. 9, pp. 96–129. (In Russian)
- Petroff, V.V. “Propoved’ bezmolviya i vozobnovleniya iz ‘Muchenichestva apostola Petra’: ee istochniki i konteksty” [Sermon on Silence and Regeneration from the Martyrdom of the Apostle Peter: Its Sources and Background], *Platonovskie issledovaniya*, 2021, Vol. 14.1, pp. 54–77. (In Russian)
- Petroff, V.V. “‘Zdes’ geometriia stanovitsia uzhe religiei’: Metaforika neevkli-dovoi geometrii v teoreticheskikh postroeniikh D.S. Merezhkovskogo” [“Here Geometry Becomes a Religion”: Metaphorics of non-Euclidean Geometry in Dmitry Merezhkovsky’s Theoretical Reasoning] // *Emigrantica: Pamyati O.A. Korosteleva* [Emigrantica: In Memory of Oleg Korostelev]. M.: IMLI RAN Publ. (in print). (In Russian)
- Resch, A. (Hrsg.). *Agrapha. Aussercanonische Schriftfragmente. Gesam-melt und untersucht*. Leipzig: J.C. Hinrichs, 1906. 426 pp.
- Robinson, J.M. (ed.). *The Nag Hammadi Library in English*. 3rd, revised ed. Leiden; New York: Brill, 1988. xiv + 549 pp.
- Rousseau, A., Doutreleau, L. (éds.). *Irénée de Lyon. Contre les hérésies. Livre 3. Tome 2: Texte et traduction*. Paris: Cerf, 1974. 509 pp.
- Runia, D.T. *Philo of Alexandria and the Timaeus of Plato*. Leiden: Brill, 1986. xii + 617 pp.
- Runia, D.T. “Ancient Philosophy and the New Testament: ‘Exemplar’ as Ex-ample”, *Method and Meaning. Essays on New Testament Interpretation in Honor of Harold W. Attridge*, ed. by A.B. McGowan, K.H. Richards. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2011, pp. 347–361.
- Schneemelcher, W. “The Acts of Peter”, *New Testament Apocrypha*, Vol. 2, rev. ed. by W. Schneemelcher, engl. trans. by R.McL. Wilson. Cam-bridge: J. Clarke & Co., 2003, pp. 271–321.